

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, №3

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Бочарова Е.Н. Основные исследовательские подходы к изучению составных пазовых орудий конца палеолита-неолита Евразии.....	7
Марченко Д.В., Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Гунчинсурен Б.	
Распределение находок как отражение природных и культурных процессов (по материалам археологического горизонта 4 стоянки Толбор-4, Северная Монголия)	31
Савельева А.С. Элементный состав металла сопроводительного инвентаря из кургана № 4 могильника Утинка тагарской культуры (по материалам раскопок В.В. Боброва 1974, 1975 гг. в северной лесостепи)	47
Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю., Тишкин Ал.Ал. (мл.), Эрдэнэпурэв П. Мемориальные комплексы древних кочевников Внутренней Азии: результаты и перспективы изучения.....	66

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Ерохина О.В., Захаров В.Ю. «Строгое наблюдение или выселение?»: к вопросу о положении немцев в Петроградской губернии в 1914–1916 гг.	85
Кобец О.В. Новая экономическая политика против белорусизации в 1920-е гг.: Псковская губерния	103
Смирнова Т.Б. Народы Сибири, их численность и динамика в постсоветский период.....	121
Уваров С.Н. Брачное поведение удмуртов по данным микропереписи 1994 г.....	142
Черказьянова И.В. Немецкие школы Санкт-Петербургской губернии (Ленинградской области) в XIX — первой трети XX в.: общие закономерности и особенности развития	155
Чернышева Н.В., Ситникова Е.Л., Ажигулова А.И. Этнические меньшинства на территории Сибири и Дальнего Востока в 1939–1959 гг.: основные тенденции воспроизводства	172

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Габдрахманова Г.Ф. Образ ислама в официальной риторике и общественных представлениях: сопоставительный анализ на материалах Республики Татарстан	194
Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Этнорелигиозный фактор в социально-экономической адаптации мусульманского населения Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в.....	223
Чеджемов С.Р. Государственно-конфессиональные отношения на Кавказе в XIX — начале XX вв.	238

ДЛЯ АВТОРОВ..... 257

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, №3

Section I. ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Bocharova E.N.</i> The principal approaches to the study of composite slotted tools in the Late Paleolithic-Neolithic of Eurasia	7
<i>Marchenko D.V., Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B.</i> Distribution of finds as a reflection of natural and cultural processes (evidence from archaeological horizon 4 of the Tolbor-4 site, Northern Mongolia).....	31
<i>Savelieva A.S.</i> Elemental composition of the metal of the accompanying inventory from the burial mound No. 4 of the Utinka burial ground of the Tagar culture (based on the materials of the excavations of V.V. Bobrov in 1974, 1975 in the northern forest-steppe).....	47
<i>Tishkin A.A., Bondarenko S.Yu., Tishkin Al.Al. (Jr.), Erdenepurev P.</i> Memorial complexes of ancient nomads of Inner Asia: results and prospects of study.....	66

Section II. ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Erokhina O.V., Zakharov V.Yu.</i> "Strict supervision or eviction?": toward a question of the situation of Germans in Petrograd province in 1914-1916	85
<i>Kobets O.V.</i> New economic policy against Belarusization in the 1920s: Pskov province.....	103
<i>Smirnova T.B.</i> Nations of Siberia, their number and its dynamics in the post-Soviet period.....	121
<i>Uvarov S.N.</i> Marital behavior of the Udmurts according to the 1994 microcensus	142
<i>Cherkazyanova I.V.</i> German schools of St. Petersburg province (Leningrad region) in the XIX — first third of the XX century: general regularities and peculiarities of development	155
<i>Chernysheva N.V., Sitnikova E.L., Azhigulova A.I.</i> Ethnic minorities in Siberia and the Far East in 1939-1959: the main trends of reproduction	172

Section III. RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSATIONAL RELATIONS

<i>Gabdakhmanova G.F.</i> The Image of Islam in Official Rhetoric and Public Representations: A Comparative Analysis Based on Materials from the Republic of Tatarstan	194
<i>Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A.</i> The ethno-religious factor in the socio-economic adaptation of the Muslim population of the Yenisei province in the XIX — early XX centuries	223
<i>Chedzhemov S.R.</i> State-confessional relations in the Caucasus in the nineteenth and early twentieth centuries	238

FOR AUTHORS.....	257
-------------------------	-----

УДК 94 (47).084.5
DOI 10.14258nreur(2025)3–06

О. В. Кобец

Смоленский государственный университет спорта, Смоленск (Россия)

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРОТИВ БЕЛОРОСИЗАЦИИ В 1920-Е ГГ.: ПСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ

После решений по национальному вопросу X и XII съездов РКП(б) белорусизация как часть общей политики коренизации начнет реализовываться не только в самой Белоруссии, но и в российских регионах в местах компактного проживания белорусского населения. К таковым в первую очередь относились приграничные губернии: Псковская, Смоленская и Брянская. В первой из трех «самыми белорусскими» считались присоединенные к ней после ликвидации в 1924 г. Витебской губернии три уезда — Себежский, Невельский и Велижский.

Однако даже в этих уездах тема белорусов и белорусизации начнет появляться в повестке дня местных властей только с 1925 г., и то под постоянным давлением со стороны Москвы.

На основе проработанных и ранее никем не использованных материалов фондов Наркомпроса и ВЦИК РСФСР Государственного архива РФ и Государственного архива Псковской области, а также публикаций газеты «Псковский набат» можно с полным основанием утверждать, что слабость работы с белорусами в губернии определялась следующими обстоятельствами. Во-первых, местное население, а вместе с ним и власти, от волостных исполнкомов до губернского, считали, что отдельного белорусского народа, как и языка, нет, а есть небольшая часть великороссов, говорящая на «испорченном» или «жаргонном» русском языке. А значит, не было, с их точки зрения, и оснований заниматься белорусизацией. Во-вторых, проживавшие на Псковщине белорусы, были малочисленны и разбросаны по отдельным деревням в отличие, например, от колоний латышей. Это обстоятельство не позволяло вести среди них какую-либо коллективную работу. В-третьих, всю первую половину 1920-х гг. властям было не до белорусизации. В первую очередь она предполагала перевод школ на белорусский язык. Но начавшаяся одновременно новая экономическая политика привела к массовому закрытию школ, особенно первой ступени, в связи с переводом их на местный бюджет. Новая экономическая политика оказалась фактически мало совместимой с задачами белорусизации.

Ключевые слова: новая экономическая политика, советская национальная политика, белорусизация, Псковская губерния, 1920-е гг.

Цитирование статьи:

Кобец О. В. Новая экономическая политика против белорусизации в 1920-е гг:

Псковская губерния // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 3. С. 103–120.

DOI 10.14258/nreur(2025)3–06

Кобец Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая аспирантурой Смоленского государственного университета спорта, Смоленск (Россия).

Адрес для контактов: cobets.olga@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6060X>

O. V. Kobets

Smolensk State University of Sports, Smolensk (Russia)

NEW ECONOMIC POLICY AGAINST BELARUSIZATION IN THE 1920S: PSKOV PROVINCE

Following the decisions on the nationalities question made at X and XII congresses of the Russian Communist Party of the Bolsheviks, Belarusization as part of the general nativization policy started to be implemented not only in Belarus itself, but also in Russian regions in places where the Belarusian population lived compactly. These primarily included the border governorates of Pskov, Smolensk and Bryansk. In the first of the three, three districts — Sebezhsky, Nevelsky and Velizhsky — were considered the «most Belarusian» after the liquidation of Vitebsk governorate in 1924.

However, even in these districts, the topic of Belarusians and Belarusization began to appear on the agenda of local authorities only in 1925, and then under constant pressure from Moscow.

Based on the materials of the funds of the People's Commissariat of Education and the Central Executive Committee of the RSFSR of the State Archive of the Russian Federation and the State Archive of the Pskov Region, developed and previously unused, as well as publications of the Pskov Nabat newspaper, it can be argued with good reason that the weakness of working with Belarusians in the province was determined by the following circumstances. Firstly, the local population together with the authorities, from the volost executive committees to the governorate one, believed that there was no separate Belarusian people, as well as no language, but there was a small part of Great Russians who spoke “corrupted” or “slangy” Russian. So, from their point of view, there was no reason to engage in Belarusization. Secondly, the Belarusians who lived in the Pskov region were few in number and scattered in separate villages, unlike, for example, the communes of the Latvians. This circumstance did not allow for any collective work among them. Thirdly, the authorities had no time for Belarusization during the first half of the 1920s. First of all, it involved the transfer of schools to the Belarusian language. But the new economic policy that began at the same time led to the mass closure

of schools, especially the primary ones, due to their transfer to the local budget. In fact, the new economic policy turned out to be incompatible with the objectives of Belarusization.

Keywords: new economic policy, Soviet national policy, Belarusization, Pskov Province, 1920s.

For citation

Kobets O. V. New economic policy against Belarusization in the 1920s: Pskov province. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 3. P. 103–120. DOI 10.14258nreur(2025)3–06.

Kobets Olga Viktorovna, PhD in History, Associate Professor, Head of Postgraduate Studies at Smolensk State University of Sports, Smolensk (Russia). **Contact address:** cobets.olga@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6058-160X>

Введение

Начнем с пояснений того, как увязываются эти два, казалось бы, совсем не пересекающихся исторических процесса. В действительности оказывается, что связь между ними не только самая что ни на есть непосредственная, но и прямая. Белорусизация — это часть общей новой национальной политики советской власти, провозглашенной вначале на X съезде РКП(б) в марте 1921 г., а затем уже после XII съезда партии осуществлявшаяся в формате общей политики коренизации. Конечно, изначально понятие «белорусизация» относилось непосредственно к Белоруссии, как и украинизация к УССР. Но после Рижского мирного договора 1921 г. и в значительной мере под воздействием так называемого польского фактора [Борисенок, 2013а; 2013б: 55–65; Дроздов, 2022: 204–225; Короткова, 2018: 48–59; Мезга, 2024: 10–23; Старовойтов, 2024: 59–75] это направление новой национальной политики было предложено Москвой для реализации и в российских регионах. В первую очередь это касалось приграничных губерний, в число которых входила и Псковская.

Белорусизация предполагала, как в самой Белорусской республике, так и в пределах РСФСР, в первую очередь перевод культурно-просветительных учреждений на родной язык, т. е. на белорусский. Здесь речь изначально шла, конечно, о школах. Несколько позже сюда добавилась и задача по созданию белорусских национальных сельских советов с переводом делопроизводства в них также на белорусский язык. Были и другие менее масштабные направления.

Однако тот же X съезд РКП(б) одновременно провозгласил и переход от «военно-го коммунизма» к новой экономической политике. И таким образом белорусизация и нэп будут претворяться в жизнь, по сути, параллельно на протяжении всех 1920-х гг., и даже отказ от них произойдет в одно и то же время. С нэпом фактически будет покончено после речи И. В. Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г., где прозвучало долгожданное для многих «старых» партийцев: «И если мы придерживаемся нэпа, то потому, что она служит делу социализма. А когда она перестанет служить делу социализма, мы ее отбросим к чорту» [Сталин, 1949: 171]. И далее для убедительности следовала отсылка к В. И. Ленину: «Ленин говорил, что нэп введена

всерьез и надолго. Но он никогда не говорил, что нэп введена навсегда» [Сталин, 1949: 171]. Да и вытеснявшее нэп колхозное строительство уже шло в то время полным ходом.

Теперь к вопросу, почему мы используем формулировку «нэп против белорусизации». Ответ включает две основные позиции.

Во-первых, новая экономическая политика, особенно на начальном ее этапе, существенно расстроит работу всей системы образования, поставив ее на грань выживания после снятия школ с централизованного финансирования. И здесь местным властям будет не до белорусизации: надо было предпринимать неимоверные усилия по сохранению массовой школы.

Второе обстоятельство обозначил Сталин в докладе на XII съезде РКП(б) «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве». В его выступлении, в отсутствии Ленина, по сути, прозвучало обвинение в адрес новой экономической политики. Но не со стороны хозяйственного уклада, а с политической, увязанной с вопросами национального строительства. В оценке Сталина, введение нэпа подстегнуло рост и усиление русского национализма, появление «новой силы» — великорусского шовинизма, «гнездящегося» в советских учреждениях. А параллельно с шовинизмом русским нэп возвращал и «шовинизмы местные», которые грозили превратить отдельные республики в арену национальной склоки [Двенадцатый съезд РКП(б), 1968: 481].

Как были связаны с нэпом проявления шовинизма русского и местного, Сталин не пояснял. Ноставил задачу выстроить работу в многонациональной Российской Федерации так, чтобы советская власть стала для представителя любого народа родной, понятной, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычай, быт населения [Двенадцатый съезд РКП(б), 1968: 482]. Как видим, и у Сталина на первое место поставлены школы, хотя он и подчеркивал далее, что только на решении вопроса школ «далеко не уедешь», «школами и языком не отговоришься» [Двенадцатый съезд РКП(б), 1968: 486]. Мы же рассмотрим именно этот школьный аспект на примере Псковской губернии, а также в увязке с новой экономической политикой.

В основу настоящего исследования положены ранее никем не использованные материалы двух фондов ГАРФ (Наркомпрос и ВЦИК РСФСР), а также документы Государственного архива Псковской области и тематические публикации газеты «Псковский набат». Они позволяют делать основной вывод: белорусизация на Псковщине, даже в том имевшем место незначительном формате, проводилась по установкам и под постоянным давлением со стороны Москвы без какой-либо инициативы со стороны местных властей и участия самого белорусского населения губернии.

Нэп: удар по школам

В самый канун нэпа постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 2 ноября 1920 г. регионам предписывалось начать с 1 января 1921 г. формирование базы текущей статистики по учреждениям народного образования. В Псковской губернии такое первое обследование было проведено в апреле 1921 г. По не совсем полным данным, как признавали это ответственные за обследование, в губернии была 1 291 школа первой ступени с числом работников просвещения — 2 885 человек и 79 541 учащихся в них [Народное образование в Псковской губернии, 1921: 6]. Школ второй

ступени имелось 32. В них работали 320 учителей, и обучалось 3 703 учащихся [Народное образование в Псковской губернии, 1921: 7]. Было также еще 8 так называемых соединенных школ первой и второй ступени с количеством учителей — 104 человека, учащихся в них — 1 995 человек [Народное образование в Псковской губернии, 1921: 8].

По состоянию на сентябрь 1921 г. главная губернская газета «Псковский набат» давала даже более высокие цифры: школ первой ступени в губернии — 1 508, второй — 5, всего учащихся — 99 681 человек. За год произошло увеличение школ на 29, численность учеников выросла на 9 156 человек, коллектизы учителей пополнились почти на 400 человек [Псковский набат, 1921]. То был, своего рода, рост по инерции, под поставленные в донэповский период задачи по расширению и укреплению сети школ. И как раз с этого момента пикового роста школ начнется обвальный процесс сокращения школьной сети.

По данным исследователя О. Г. Некрыловой, в течение 1921–1923 гг. число школ первой ступени по стране в целом сократилось с 91 тыс. до 64,5 тыс.; школ второй ступени — с 4,3 тыс. до 2,4 тыс. [Некрылова, 2021: 83]. В это время, приводит она слова наркома образования А. В. Луначарского, «школа умирала на глазах, когда была забота, откуда дров достать, как учителя спасти от голодной смерти, — это было время, когда школа голодала, кричала и когда мы, сидя в Наркомпросе, были бессильными свидетелями раз渲ла» (цит. по: [Некрылова, 2021: 83]).

В такой ситуации Совет народных комиссаров 15 сентября 1921 г. принимает декрет «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений», который предписывал в целях снабжения работников просвещения в сельских местностях вводить натуральное самообложение сельского населения [Декрет СНК РСФСР..., 1921].

Псковский исследователь народного образования М. Т. Маркова, анализируя этот момент, обращает внимание не столько на мизерность самого продуктового пайка сельского учителя в 1921 г. (1 пуд муки, 1 фунт сахара, 12 кг картофеля, 2 фунта соли, 6 фунтов мяса на месяц), сколько на морально-психологический аспект проблемы. То начинался, в ее оценке, «самый страшный и унизительный период в жизни псковского учительства, так как сбор средств на селе должны были осуществлять сами учителя»! [Маркова, 2004: 96]. Немалая часть крестьянства расценивала натуральное самообложение как дополнительный налог, выражала недовольство, выговаривая при этом, что при прежней власти детей учили бесплатно.

В августе 1922 г. Псковский губоно в справке для местного политического управления с шифром «Секретно» давал такую довольно «открытую картину» материально-го положения учителей: «Учащие находятся в самых тяжелых материальных условиях. Находящиеся на госснабжении более или менее аккуратно получают паек... в зависимости от ассигнований центра, что происходит с большими задержками... Особенно тяжело положение работников просвещения сельских местностей, снятых с госснабжения... Что же касается денежного вознаграждения, то таковое школьным работникам сельских местностей не выдается с декабря месяца прошлого года, со времени снятия их с госснабжения. Места, не имея средств, не оказывают им никакой помощи в вы-

даче содержания. Губоно абсолютно не имеет никаких средств, чтобы ликвидировать эту задолженность... Многосемейные учащие буквально голодают, есть случаи нищенства» [ГАПО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2. Л. 3].

Такой же нелицеприятной была и оценка состояния системы образования в регионе в 1923 г. и у заведующего Псковским губоно Э. М. Экштейна: «В большинстве уездов школа пережила жуткий 1922/23 учебный год. Жалкое существование, начиная с полуходячего и оборванного школьного работника и полузамерзшей школы, и кончая почти полным отсутствием учебных пособий и учебников» [Маркова, 2004: 98]. «Нужно сказать ясно и определенно, — заключал Экштейн, — что ни договорная кампания, ни платность и другие заплатки, которыми до сих пор старались накормить учителя ... и дать уверенность в том, что ему не придется впредь нищенствовать, не помогут. Кроме того, нужно раз и навсегда избавить учителя от заботы о своем материальном существовании, от зависимости, от прихоти местного населения и не превращать его в сборщика платы, сборов по договорам и проч., это безусловно подрывает его отношения с родителями детей и в последнем счете и с самими детьми. Учитель должен получать свое содержание от государственных органов власти и в достаточной мере, чтобы не быть вынужденным нищенствовать и попрошайничать» (курсив наш. — О. К.) [Псковский набат, 1923а].

Конечно, в сравнении с дореволюционным периодом учителя с началом нэпа оказались в крайне печальном материальном и финансовом положении. До революции, отмечает М. Т. Маркова, оплата труда учителя состояла из жалованья за основной труд, пособия за внеурочные занятия по исправлению ученических письменных работ, за каждые пять лет стажа полагалась надбавка, выплачивались пособия по возмещению расходов по болезни не только самого учителя, но и членов его семьи. Ежегодно в сентябре учителя получали квартирные деньги: за отопление и освещение. Из касс учебных заведений оплачивались командировки [Маркова, 2004: 93–94]. Даже в эпоху «военного коммунизма» заменяемый зарплату продовольственный паек составлял в Пскове 22 фунта хлеба и 2 фунта сала в месяц на двоих, а в Печорском уезде к хлебному пайку выдавалось даже масло [Маркова, 2004: 95]. Нэп же с его экономической безысходностью, особенно в начальный период, заставлял учителей массово покидать школу. По оценкам Е. А. Ялозиной, сокращение школьной сети в разных губерниях достигало 45 и даже 60 и более процентов [Ялозина, 2015: 219].

В целом мало чем отличалось положение школы и в Смоленской, и в Брянской губерниях [Кодин, 2021: 187–204; Кодин, 2024б: 139–150]. Так, например, на Смоленщине сеть школ в 1922 г. сократилась до уровня 1914 г. [Рабочий путь, 1922]. На Брянщине к марту 1922 г. уже было закрыто 32% школ. А в докладе местного губоно с названием «Новая экономическая политика и народное образование» отмечалось, что период перехода к нэпу был не просто тяжелым и тернистым, но и «очень больно» затронувшим народное образование, с большим количеством «жертв» [ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 239. Л. 1]. И давалась эмоциональная, по сути, мало отличавшаяся от Псковской и Смоленской губерний, картина состояния школ: «пустых, холодных, с развернутыми крышами, без окон и дверей ... , как мертвецы глядящих в поле слепыми очами, школ без книг,

карандашей, без света». И с пессимистичным выводом о том, что это было «начало развала дела народного образования» [ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 239. Л. 3].

Договорные школы и платное обучение

Изначально выход из сложной ситуации виделся и предлагался Москвой в привлечении средств населения на содержание школ. Вначале был испробован вариант самообложения населения на нужды школы. Но должного отклика у крестьянства это не нашло. Далее последовали так называемые договорные школы, когда то или иное сообщество брало на себя посредством договора с волостным или уездным отделом образования обязательства по полному содержанию «своей» школы, включая обеспечение учительства.

В целом договорные школы не получили такого отторжения у населения в сравнении с неудачной практикой самообложения. Хотя ситуации были, конечно, разные не только по уездам, но и волостям. Так, например, газета «Псковский набат» в ноябре 1922 г. пишет, что в Троицкой волости Холмского уезда из 13 имевшихся ранее школ первой ступени и одной школы второй ступени осталось только 4 школы первой ступени без какой-либо уверенности, что они «просуществуют» [Псковский набат, 1922б]. И такого рода сомнения были вполне обоснованы, поскольку крестьяне отказывались от школы, думая, что «для своих детей они найдут учителя». Примечательно, что содержать школу без каких-либо особых возражений соглашались родители детей школьного возраста и в первую очередь из числа бедняков. Более обеспеченные обучали своих детей в городе и потому противились подписанию договоров по содержанию деревенских школ.

В целом же к весне 1923 г. картина по отдельным уездам Псковской губернии в части договорных школ была следующей: в Опочецком уезде по договорам содержалась 71 школа, в Торопецком — все 104 школы, в Новоржевском — 88 школ, в Порховском полностью на договорах было 49 школ, 46 частично и 75 «на 2-х фунтовом сборе». И, если в Псковском уезде все 115 школ собрали только 1937 пудов хлеба, или 16 пудов на школу на весь год, то Холмский уезд на 110 школ дал 6 177 пудов, или 45,7 пудов на школу, а Островской на 84 школы в уезде собрал 4986 пудов, или 59,1 пудов на школу [Псковский набат, 1923а]. В условиях, когда уездные и без того скучные бюджеты выделяли на нужды образования мизерный процент средств (Псковский — 4,2%, Островский — 4,7%, Торопецкий — 5,4% и так далее; только Порховский целых 20%) [Псковский набат, 1923а], договорные школы с крестьянством во многом спасали систему образования от неминуемого краха.

Осенью 1923 г. положительные результаты договорной кампании показывал Великолукский уезд: крестьянство взяло на обеспечение 93 школы вместо 79 предшествовавшего года с количеством детей в них 7 600 человек против 2 800 человек года предыдущего [Псковский набат, 1923г]. Большая часть собранных средств планировалась на зарплату учителей (70%), остальное — на ремонт, отопление и учебные пособия.

Принципы договорной кампании были следующими. Граждане брали на себя содержание школы, всех школьных работников и технический персонал в течение учебного года, включая каникулярное время, на основе подробной сметы, прилагаемой к договоро-

ру. Также в обязательства населения входили текущий ремонт здания школы, освещение и отопление. Оплата труда школьных работников должна была производиться по ставкам профсоюза работников просвещения [ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1353. Л. 5]. Но здесь имелся свой нюанс, как определял его заведующий губоно Экштейн: для содержания школы по договорам крестьяне собирали не деньги, а хлеб. Этим вопросом должны были заниматься школьно-хозяйственные советы. Но реально «этим мало кто занимался». И в такой ситуации учителя, «чтобы не голодать, вынуждены были в ущерб школьной работе взяться за это не свое дело» [ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1353. Л. 5].

Всего в губернии осенью 1923 г. было 688 школ, «сданных по договорам», что составляло 90,4% всего числа школ первой ступени. Всего в губернии была 31 школа второй ступени. Но на договорной основе из них не было ни одной: за обучение в школах повышенного типа родители вносили плату [ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1353. Л. 5].

В официальную же цифру процента расходов на народное образование в губернском бюджете осенью 1923 г., составлявшего, казалось бы, немаленькое значение — 11,5%, следовало вносить существенную поправку. Как отмечал заведующий губоно Экштейн, эта цифра фактически уменьшалась до 6%, поскольку степень исполнения реального финансирования составляла по уездам до 50% [ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1353. Л. 4об.].

В 1923 г. процесс сокращения количества школ в губернии продолжался. И тяжесть положения усугублялась тем, что этот процесс становился стихийным. В мае 1923 г. на кануне объединенного пленума губкома партии и губисполкома «Псковский набат» давал следующую сравнительную по годам картину сокращения сети учебных заведений.

**Динамика сокращения количества школ первой и второй ступеней
в Псковской губернии в 1921–1923 гг.***

**The dynamics of the reduction in the number of schools of the I and II levels
in the Pskov province in 1921–1923****

Отчетный период	Количество			
	школ первой ступени	детей в них	школ второй ступени	детей в них
1 октября 1921 г.	1434	91 170	37	7 534
1 октября 1922 г.	933	83 205	20	6 191
1 апреля 1923 г.	878	38 397	31	4 999
Процент сокращения к 1921 г.	38,8	57,9	16,3	33,8

*Составлено по: «Псковский набат». 1923, 17 мая

**Compiled by: «Pskovskiy nabat». 1923, 17 May.

Такого резкого падения численности школ первой ступени (почти на 40%) не было ни в Смоленской, ни в Брянской губерниях [Кодин, 2024а: 175–199]. В этой связи пленум губисполкома в своей резолюции о народном образовании (20–21 мая 1923 г.) признавал «недопустимым дальнейшее сокращение сети школ и числа обучающихся детей школьного возраста, особенно в сельских местностях» [Псковский набат, 1923б], и на-

мечал меры по улучшению ситуации, делая ставку на договорные школы, платность обучения в городах при максимальных льготах беднейшему населению.

Следует заметить, что не повлияла на стабилизацию ситуации и введенная к этому времени платность обучения. В этом вопросе псковские власти, пытаясь получить гарантированно стабильное поступление средств на содержание школ в местные бюджеты, оказались одними из первых. Уже 30 августа 1922 г. президиум Псковского губисполкома принимает постановление с осторожным названием «О введении платности за пользование услугами просветительных учреждений Псковской губернии». Почему с «осторожным»? Дело в том, что центральные власти до последнего противились платности обучения. Да и сама редакция официального печатного органа губернии делала оговорку о «крайней нежелательности введения платы за обучение» [Псковский набат, 1923а], отдавая предпочтение договорным школам и даже трудно идущему самообложению крестьянства на школьные нужды.

Плата вводилась «временно» на один 1922/23 учебный год и только для всех городских учебных заведений и школ второй ступени в сельской местности. Таким образом, основная массовая школа — деревенские школы первой ступени — оставались бесплатными. В условиях гиперинфляции приоритетной формой оплаты стала рожь — 5, 8, 14 и 18 пудов ржи в год в зависимости от категории плательщика. Хотя допускалась и замена ржи денежными знаками по эквиваленту рыночной стоимости хлеба [Псковский набат, 1922а].

В августе 1923 г. Псковский губисполком уже с отсылкой на постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 22 марта 1923 г., которым определялся порядок взимания платы за обучение в учреждениях Наркомпроса, но, опять же, с припиской «временно, на 1923 — 24 учебный год» вводил своим постановлением официальную плату за обучение в школах первой ступени в городах и поселках городского типа, школах второй ступени в городах и сельских местностях губернии и в учебных заведениях профессионального образования. Перечень категорий населения, освобожденных от внесения платы, как и определяла Москва, был значительным. Стоимость обучения в год очень сильно варьировалась в зависимости от дохода: от 1 до 72 рублей золотом. Если в семье школу посещали несколько детей, то расчет платы был следующим: за первого plata была полной, за второго — 75%, за третьего — 50%, остальные дети освобождались от платы [Псковский набат, 1923в].

В целом есть основания говорить, что к осени 1923 г. в Псковской губернии общими усилиями властей, населения и самих учителей процесс стихийного закрытия школ был остановлен. В годовом отчете губоно отмечалось: «Работа по народному образованию за истекший год, хотя и протекала в тяжелых условиях, но уже наметились определенные проблески на просвещенческом горизонте, закрытом тучами нэпа с 20 года. Период 1921/22 учебного года был периодом свертывания наших культурно-просветительных учреждений. Мы стихийно отступали на фронте просвещения, не зная где и когда остановимся и закрепимся..., и мы докатились при отступлении до школьной сети ниже довоенной на 31% ... Сейчас можно с удовлетворением констатировать, что ГубОНО при наличии минимального количества средств в течение года восстановило школьную сеть до 94% довоенной сети» [ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1353. Л. 3].

Обвинения в шовинизме

Здесь будет уместным заметить, что к этому времени политика белорусизации началась реализовываться и в самой Белорусской республике, а на уровне московских властей было принято решение о необходимости проведения белорусизации в приграничных российских губерниях — Смоленской, Псковской и Гомельской [Борисенок, 2013а: 131].

Время, конечно, было далеко не самое удачное. Местным властям явно было не до белорусизации. Перед ними стояли более важные задачи фактически по спасению массовой российской школы. Хотя на Псковщине, как и в других регионах российско-белорусского приграничья, имелись в тот период и национальные школы.

В отчете губоно за 1923 г. приводились такие цифры национальных школ в губернии: Псков — 1 эстонская, 15 учеников; 1 польская — 25 детей; 1 еврейская — 56 детей; 1 латышская — 59 учащихся. И так далее: всего эстонских школ — 8, польских — 2, еврейских — 2, латышских — 7. Общее количество учащихся в национальных школах — 600 детей. В школах не хватало 10 учителей. Многие помещения требовали капитального ремонта [ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1353. Л. 17 об.]. При этом в документах и партийных, и советских органов власти губерний вообще нет никакой речи ни о белорусских, ни об украинских школах.

Тема белорусов и белорусизации на Псковщине начнет появляться с 1925 г. И существенный толчок этому был дан со стороны Наркомпроса, который в мае рассматривал вопрос о состоянии работы по просвещению среди национальных меньшинств Псковской губернии. Решение звучало достаточно резко: «Признавая особо важное значение культурно-просветительной работы среди нацмен Псковской губернии, как губернии пограничной, и принимая во внимание преобладание крестьянского элемента среди населения нацмен (белорусского, эстонского, латышского), признать общее состояние этой работы по Псковской губернии — неудовлетворительным, особенно в отношении белорусского населения (курсив наш. — О. К.)» [ГАПО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 7. Л. 104].

По белорусам в постановлении был даже отдельный раздел, причем первый, и только потом шли пункты по работе с еврейским населением, эстонским и латышским. Псковскому губоно предписывалось: произвести в сельских школах учет детей, для которых родным языком является белорусский; учесть школьных работников-белорусов; организовать белорусское бюро при губернском совете по работе с национальными меньшинствами; на губернских курсах по переподготовке учителей отвести достаточное число мест белорусам, организовав для них секцию белорусского языка и белорусоведения [ГАПО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 7. Л. 104, 106].

В ситуации общего кризиса в системе образования, из которого такие слабые губернии, как Псковская, только начинали выходить, несколько странно звучали в решении Наркомпроса и такого рода предложения в адрес губоно: обеспечить национальные школы «помещениями, учебными пособиями и земельными участками..., методической литературой на родном языке» [ГАПО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 7. Л. 104–106]. И совсем необъяснимым, да и неисполнимым для местных властей был следующий пункт: «при приеме в школы I-ой ступени рекомендовать ОНО строго придерживаться принципа обучения на материнском языке» [ГАПО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 7. Л. 106].

Тем не менее фактически с этого времени Москва, в основном в лице Совета по пропагандированию национальностей нерусского языка (Совнацмена) Наркомпроса, а нередко и отдела национальностей ВЦИК, начинает активно продвигать тему белорусизации для российских регионов. А 26 января 1926 г. по докладу Псковского губоно постановлением президиума Коллегии Наркомпроса специально для отдельной губернии была даже создана комиссия с целью проведения обследования и выяснения на месте вопросов, связанных с переводом культурно-просветительных учреждений Псковской губернии на белорусский язык [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 120. Д. 52. Л. 41].

В губернии на всех уровнях властных структур, вплоть до волостных исполнкомов, начинается дискуссия, которая так и не получит своего внятного разрешения вплоть до конца нэпа, — имелось ли в губернии в значительном количестве белорусское население, и надо ли было вести в его среде работу на белорусском языке (создавать белорусские школы, переводить их на белорусский язык преподавания и т.д.).

Здесь вполне уместно будет напомнить уже означенное в начале статьи выступление Сталина на XII съезде РКП(б) в 1923 г. о возвращении нэпом гнездящегося в советских учреждениях великорусского шовинизма, а вместе с ним и шовинизмов местных. В российских регионах под такую характеристику подпадали утверждения местных властей, что в их уездах или волостях «белорусов нет», а имеется лишь великорусское население, говорящее на несколько «испорченном» или «жаргонном» русском языке.

Редко, но с такой позицией соглашались и отдельные инспекторы, проверявшие состояние работы с национальными меньшинствами. Процитируем из одной такого рода справки по Псковской губернии за 1926 г.: «По полученным мною сведениям от сельских учителей, Союзов Рабпроса, инструкторов Орг. части Губисполкома и Губкома, а также местных работников, выяснилось, что белорусское население имеется в Себежском, Невельском и Велижском уездах¹, но оно настолько обруслено, что говорит на русском языке, примешивая лишь несколько десятков белорусских слов, и что ему в настоящее время понятнее русский язык, причем добавили, что районы, в которых были белорусы, сохранившие свой язык, уже отошли к Белорусской ССР. В оставшихся в Псковской губ. районах населения, говорящего на белорусском языке, не имеется... При объезде мною одной волости, расположенной ближе к границе Белоруссии, а также при обходе базаров, на которые прибывают крестьяне из разных волостей, я не встретил ни одного гражданина, говорившего бы на белорусском языке» [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 120. Д. 52. Л. 42].

На такой же позиции пыталось находиться и местное псковское руководство. Это явствует из отчета губисполкома в отдел национальностей ВЦИК весной 1926 г.: «Составляющие наибольший процент среди национальных меньшинств белорусы, проживающие в Невельском, Велижском и Себежском уездах, настолько обруслели, что числятся белорусами лишь по названию, ибо как разговора, так и литературного белорусского языка ими фактически не применяется. Во время проведения предвыборной кампании местам дано было специальное поручение выявить мнения белорусско-

¹ Три перечисленных уезда были переданы в состав Псковской губернии из упраздненной в 1924 г. Витебской губернии.

го населения о желательности ведения среди них культурно-просветительной работы на их родном языке, на что население отозвалось отрицательно» [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 120. Д. 52. Л. 36 об.].

Москву очень беспокоила ситуация, когда на 150 тысяч белорусов в Псковской губернии не было «ни одного учреждения на родном языке учащихся» [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 120. Д. 52. Л. 77], то есть на белорусском. При наличии в то же время 6 латышских, 10 эстонских, 5 еврейских и одной польской школы [ГАРФ. Ф. Р 1235. Оп. 120. Д. 52. Л. 15], хотя численность этих национальных меньшинств была очень незначительной в сравнении с белорусским населением.

Однако Псковский губоно и в следующем отчете для Наркомпроса 1927 г. продолжал настаивать на том, что «основная масса белорусов в большей степени русифицировалась. Произведенные обследования ... установили, что лишь весьма небольшой процент родителей белорусов согласны на открытие для их детей чисто белорусских школ. Такое же отношение части взрослого белорусского населения и к белорусским культпросвет учреждениям. Если со стороны других национальностей в деле поднятия своей национальной культуры было проявлено много энергии, со стороны же белорусских масс, благодаря быть может их более низкому культурному уровню, энергии в этом направлении проявлено было мало или вовсе не было. Все это отнюдь не означает, что работу среди белорусов не стоит вести. Наоборот. Но указанные моменты естественно были причиной тому, что за три года, пока наиболее населенные белорусские уезды: Невельский, Себежский и Велижский присоединены к Псковской губернии, сделано немного по специально белорусской работе» [ГАРФ. Ф. А 296. Оп. 1. Д. 352. Л. 2]. «Немного сделанного» подтверждалось и признанием, что белорусские школы, как в прошлом и избы-читальни, в 1926/27 г. в губернии «не существовали». Было лишь «в виде опыта» введено обучение белорусскому языку для желающих в 7 школах Невельского уезда [ГАРФ. Ф. А 296. Оп. 1. Д. 352. Л. 7об.].

С образованием в 1929 г. Западной области, в которую вошел и Великолукский округ бывшей Псковской губернии с наиболее «белорусскими» Невельским, Себежским и Велижским районами, обвинения в адрес местных властей в великорусском шовинизме только усиливались. Это было связано с общей установкой Москвы завершить в рамках всеобуча коренизацию национальных школ в 1932/33 учебном году, а на местах находили «обыкновенно оправдание в том, что якобы украинское, белорусское и даже татарское и пр. население не желают обучать своих детей на родных языках» [ГАРФ. Ф. А 296. Оп. 1. Д. 467. Л. 48].

В конечном счете, так называемые белорусские школы на Псковщине появятся. В 1928/29 учебном году будет называться цифра — 25 школ. Они будут фигурировать и в отчетах местных властей для Москвы. Фактическая же сторона дела была иной. Псковский профессор А. В. Филимонов дает такое заключение: ««белорусскими» эти школы можно было назвать с большой долей условности», поскольку преподавание всех предметов, за исключением белорусского языка, велось в них на языке русском [Филимонов, 2016: 54].

И никакие обвинения в шовинизме здесь все равно не срабатывали. В марте 1932 г. президиум Комитета по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса

РСФСР (Комнац) рассматривал вопрос о состоянии культурно-просветительной работы среди национальных меньшинств Западной области. В докладе заведующего Запоблоно говорилось: «Коренизация в основном у нас проведена, т. е. национальные школы в основном работают у нас на родном языке, за исключением белорусских и украинских школ, которые коренизированы в среднем на 50–60%....мы заявляем, что если все национальности работают на родном языке, то в отношении украинских и белорусских школ дело обстоит неблагополучно» [ГАРФ. Ф. А 296. Оп. 1. Д. 479. Л. 4об.].

Такое положение дел в угоду времени рассматривалось как очевидные проявления «великодержавного шовинизма и национализма». Специально работавшая в этом направлении комиссия «вопиющих фактов» не выявила. Но в разряд шовинистских причислялись имевшие место отдельные «факты отрицательного отношения некоторой части учащихся к национальной школе белоруссов, к родному языку». Как, например, обращение в Наркомпрос «отдельных учащихся белорусских школ с требованием перевести преподавание на русский язык якобы потому, что русский язык является для них родным» [ГАРФ. Ф. А 296. Оп. 1. Д. 479. Л. 23].

Искусственность и притянутость «фактов» шовинизма и/или национализма здесь более чем очевидны. Да и объяснение этому, по сути, «лежало на поверхности»: местные власти подстраивались под менявшуюся политическую конъюнктуру и курс Москвы по отношению к белорусизации и украинизации. Так, в Минске в 1929 г. уже начинались процессы против националистически настроенной интеллигенции после июньского доклада на заседании Центрального Комитета компартии Белоруссии руководителя Центральной контрольной комиссии ВКП(б) В. П. Затонского. Завершится же все постановлением политбюро ЦК ВКП(б) от 2 марта 1933 г. «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии». В Киеве «обратные процессы» в отношении украинизации начнут разворачиваться с конца 1932 г. и быстро приведут к полному восстановлению в системе образования и в госучреждениях русского языка.

Заключение

Несмотря на такие антинационалистические партийные решения начала 1930-х гг. в отношении политики украинизации и белорусизации, профессор Гарвардского университета Терри Мартин характеризует Советский Союз того времени как империю положительной деятельности [Мартин, 2011], взяв для названия книги американскую практику поддержки национальных меньшинств. В целом советская политика коренизации, в оценке автора книги, являлась своего рода реализацией Пьемонтского принципа², как в отношении соседних с Советским Союзом государств, в первую очередь с Польшей, так и внутри страны, в том числе и в границах РСФСР. Именно в таком ключе рассматривалась Москвой и белорусизация в приграничных российских регионах, одной из которых являлась и Псковская губерния.

Никаких значительных результатов в этом направлении на Псковщине, как и в соседней Смоленской и в Брянской губерниях, не было достигнуто. Перевод школ в местах более-менее компактного проживания белорусов на национальный язык не состо-

² По названию региона Италии Пьемонта, вокруг которого произошло объединение страны в XIX в.

ялся. В первую очередь из-за нежелания самого белорусского населения, предпочитавшего для своих детей в эпоху модернизации и связанных с ней широких возможностей социального лифта русский язык.

Но не меньшую роль в этом сыграла и новая экономическая политика, которая реализовывалась практически параллельно с политикой коренизации. На первом своем этапе нэп поставил фактически на грань выживания всю массовую школу, сняв ее с централизованного финансирования. Местным властям явно было не до белорусизации. С середины 1920-х гг. задачи белорусизации будут «отодвинуты в сторону» грандиозными и более важными планами для губернского руководства по подготовке к введению всеобуча. А далее уже последуют поиски «возвращенных нэпом» проявлений великороджавного шовинизма и местного национализма и, как следствие, сворачивание политики белорусизации в российских регионах и разворот в сторону повышения престижа русского языка.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ «Белорусизация в российско-белорусском приграничье в 1920–1930-е годы: практика национального строительства» (проект № 24–28–00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859/>).

Acknowledgments and funding

The research was carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant «Belarusization in the Russian-Belarusian Border area in the 1920s and 1930s: the practice of Nation-building» (project No. 24-28-00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859/>).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борисенок Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М. : Родина МЕДИА, 2013а. 352 с.

Борисенок Ю.А. Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е годы // Новая и новейшая история. 2013б. № 6. С. 55–65.

Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 84. Оп. 1. Д. 239.

Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2.

Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 7.

Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1353.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А 296. Оп. 1. Д. 352.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А 296. Оп. 1. Д. 467.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А 296. Оп. 1. Д. 479.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 1235. Оп. 120. Д. 52.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 1235. Оп. 120. Д. 52.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М. : Изд-во политической литературы, 1968. 921 с.

Декрет СНК РСФСР «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений» 15 сентября 1921 г. URL: <https://goo.su/UElePs0> (дата обращения: 25.02.2025).

Дроздов К.С. Белорусизация в Советской России в 1920–1930-е гг.: цели, методы и результаты // История народов России в исследованиях и документах: К юбилею В.В. Трепавлова. М. : Ин-т российской истории РАН, 2022. Вып. 9. С. 204–225.

Кодин Е. В. Белорусский фронтir 1920-х годов: состоялась ли белорусизация в российско-белорусском приграничье? // Журнал фронтirных исследований. 2024а. Т. 9. № 3. С. 175–199.

Кодин Е. В. Нэп против белорусизации: проблемы школьного строительства в российско-белорусском приграничье в 1920-е годы, Брянская губерния // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем: материалы исследовательского проекта по белорусоведению. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2024б. Вып. 10. С. 139–150.

Кодин Е. В. Школы Смоленщины в эпоху нэпа: от выживания к развитию // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 2 (54). С. 187–204.

Короткова Д.А. «Укрупнение БССР» в 1923–1924 годы: фактор советского влияния в Польше // Славяноведение. 2018. № 5. С. 48–59.

Маркова М. Т. Очерки истории народного образования Псковской губернии. 1900–1927 гг. Псков, 2004. 108 с.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : РОССПЭН: Фонд Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. 662 с.

Мезга Н. Н. Польский фактор в процессе становления БССР как белорусского национального государства // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем : материалы исследовательского проекта по белорусоведению. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2024. Вып. 10. С. 10–23.

Народное образование в Псковской губернии: по предварительным итогам текущего обследования учреждений народного образования 1921 года. Псковское губернское статистическое бюро. Псков: Первая государственная типография, 1921. 26 с.

Некрылова О. Г. Опыт создания договорных школ в условиях строительства советской школьной системы 1920-х гг. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2021. № 2 (27). С. 82–86.

Псковский набат. 1921. 23 сентября.

Псковский набат. 1922а. 12 сентября.

Псковский набат. 1922б. 14 ноября.

Псковский набат. 1923а. 17 мая.

Псковский набат. 1923б. 5 июня.

Псковский набат. 1923 в. 7 сентября.

Псковский набат. 1923 г. 24 октября.

Рабочий путь. 1922, 25 мая.

Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сочинения. М. : Госполитиздат, 1949. С. 141–172.

Старовойтов М. И. Белорусизация в условиях этнолингвистического и урбанизационного процессов в БССР (1920–1930 гг.) // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем : материалы исследовательского проекта по белорусоведению. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2024. Вып. 10. С. 59–75.

Филимонов А. В. Белорусы в Псковском крае (1920-е гг.) // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова» : сборник научных трудов. 2016. № 22. С. 45–55.

Ялозина Е. А. Плата за обучение в советской школе в 1920-е гг. // Манускрипт. 2015. № 12. С. 218–221.

REFERENCES

Borisenok Yu. A. *Na krutyh poverotakh belorusskoi istorii: Obshchestvo i gosudarstvo mezhdu Pol'shei i Rossiei v pervoi polovine XX veka* [At the sharp turns of the Belarusian history: Society and the State between Poland and Russia in the first half of the 20th century]. Moscow: Rodina MEDIA, 2013a, 352 p. (in Russian).

Borisenok Yu. A. *Pol'skii faktor v nacional'no politike sovetskoi vlasti v Belorussii v 1920–1930-e gody* [The Polish factor in the national policy of the Soviet government in Belarus in the 1920s and 1930s]. *Novaya i novejshaya istoriya* [Modern and Contemporary History]. 2013b, no. 6, pp. 55–65 (in Russian).

Dekret SNK RSFSR “O merakh k uluchsheniyu snabzheniya shkol i drugikh prosvetitel'nykh uchrezhdenii” 15 sentyabrya 1921 g. [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR “On measures to improve the supply of schools and other educational institutions” September 15, 1921]. URL: <https://goo.su/UElePs0> (accessed: 25 February, 2025) (in Russian).

Drozdov K. S. *Belorusizatsiya v Sovetskoi Rossii v 1920–1930-e gg.: tseli, metody i rezul'taty* [Belarusization in Soviet Russia in the 1920s and 1930s: goals, methods, and results]. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh: K yubileyu V. V. Trepavlova*. [The history of the peoples of Russia in research and documents: On the anniversary of V. V. Trepavlov]. Moscow: Institut rossijskoi istorii RAN, 2022, iss. 9, pp. 204–225 (in Russian).

Dvenadcatyi s'ezd RKP (b). 17–25 aprelya 1923 goda. Stenograficheskij otchet. [The Twelfth Congress of the Russian Communist Party (b). April 17–25, 1923. Verbatim report.]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1968, 921 p. (in Russian).

Filimonov A. V. *Belorusy v Pskovskom krae (1920-e gg.)* [Belarusians in the Pskov Region (1920s)]. *Uchenye zapiski UO “VGU imeni P. M. Masherova”*: sbornik nauchnyh trudov [Scientific notes of the educational institution “VGU named after P. M. Masherov”]: collection of scientific papers]. 2016, no. 22, pp. 45–55 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Bryanskoi oblasti (GABO) [State Archive of the Bryansk region (SABR)]. Fund 84. Inventory 1. File 239. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Pskovskoi oblasti (GAPO) [State Archive of the Pskov region (SAPR)]. Fund R-310. Inventory 1. File 2. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Pskovskoi oblasti (GAPO) [State Archive of the Pskov region (SAPR)]. Fund R-310. Inventory 1. File 7. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Pskovskoi oblasti (GAPO) [State Archive of the Pskov region (SAPR)]. Fund R-590. Inventory 1. File 1353. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund R 1235. Inventory 120. File. 52. (in Russian).

Gosudarstvennyj arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund A 296. Inventory 1. File 352. (in Russian).

Gosudarstvennyj arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund A 296. Inventory 1. File 467. (in Russian).

Gosudarstvennyj arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund A 296. Inventory 1. File 479. (in Russian).

Gosudarstvennyj arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund R 1235. Inventory 120. File 52. (in Russian).

Kodin E. V. Belorusskii frontir 1920-kh godov: sostoyalas' li belorusizatsiya v rossiisko-belorusskom prigranich'e? [The Belarusian frontier of the 1920s: did Belarusization take place in the Russian-Belarusian border area?]. *Zhurnal frontirnykh issledovanii* [Journal of Frontier Studies], 2024a, vol. 9, no. 3, pp. 175–199 (in Russian).

Kodin E. V. Nep protiv belorusizatsii: problemy shkol'nogo stroitel'stva v rossiisko-belorusskom prigranich'e v 1920-e gody, Bryanskaya guberniya [NEP against Belarusization: problems of school construction in the Russian-Belarusian border area in the 1920s, Bryansk province]. *Rossiya i Belarus': istoriya i kul'tura v proshlom i nastoyashchem: materialy issledovatel'skogo proekta po belorusovedeniyu* [Russia and Belarus: history and culture in the past and present: materials of the research project on Belarusian studies]. Smolensk: Izd-vo SmolGU, 2024b, iss. 10, pp. 139–150 (in Russian).

Kodin E. V. Shkoly Smolenshchiny v epokhu nepa: ot vyzhivaniya k razvitiyu [Smolensk schools in the NEP era: from survival to development]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of Smolensk State University]. 2021, no. 2 (54), pp. 187–204 (in Russian).

Korotkova D. A. "Ukrupnenie BSSR" v 1923–1924 gody: faktor sovetskogo vliyaniya v Pol'she [The "Enlargement of the BSSR" in 1923–1924: the factor of Soviet influence in Poland]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies]. 2018, no. 5, pp. 48–59 (in Russian).

Markova M. T. *Ocherki istorii narodnogo obrazovaniya Pskovskoi gubernii. 1900–1927 gg.* [Essays on the history of public education in Pskov province. 1900–1927]. Pskov, 2004, 108 p. (in Russian).

Martin T. *Imperiya "polozhitel'noi deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939.* [The Empire of "positive activity". Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN: Fond "Prezidentskii tsentr B. N. El'cina", 2011, 662 p. (in Russian).

Mezga N. N. Pol'skii faktor v protsesse stanovleniya BSSR kak belorusskogo natsional'nogo gosudarstva [The Polish factor in the formation of the BSSR as a Belarusian national state]. *Rossiya i Belarus': istoriya i kul'tura v proshlom i nastoyashchem: materialy issledovatel'skogo proekta po belorusovedeniyu* [Russia and Belarus: history and culture in the past and present: materials of the research project on Belarusian studies]. Smolensk: Izd-vo SmolGU, 2024, iss. 10, pp. 10–23 (in Russian).

Narodnoe obrazovanie v Pskovskoi gubernii: po predvaritel'nym itogam tekushchego obsledovaniya uchrezhdenij narodnogo obrazovaniya 1921 goda. [Public education in Pskov province: according to the preliminary results of the current survey of public education institutions in 1921]. Pskovskoe gubernskoe statisticheskoe byuro. Pskov: Pervaya gosudarstvennaya tipografia, 1921, 26 p. (in Russian).

Nekrylova O. G. Opyt sozdaniya dogovornykh shkol v usloviyakh stroitel'stva sovetskoi shkol'noi sistemy 1920-kh gg. [The experience of creating contractual schools in the context of the construction of the Soviet school system in the 1920s]. *Problemy sotsial'nykh*

i gumanitarnykh nauk [Problems of social sciences and humanities]. 2021, no. 2 (27), pp. 82–86 (in Russian).

Pskovskii nabat [Pskovskiy nabat]. 1921. 23 sentyabrya (in Russian).

Pskovskii nabat [Pskovskiy nabat]. 1922a. 12 sentyabrya (in Russian).

Pskovskii nabat [Pskovskiy nabat]. 1922b. 14 noyabrya (in Russian).

Pskovskii nabat [Pskovskiy nabat]. 1923a. 17 maya (in Russian).

Pskovskii nabat [Pskovskiy nabat]. 1923b. 5 iyunya (in Russian).

Pskovskii nabat [Pskovskiy nabat]. 1923g. 24 oktyabrya (in Russian).

Pskovskii nabat [Pskovskiy nabat]. 1923v, 7 sentyabrya (in Russian).

Rabochii put' [Rabochiy Put]. 1922, 25 maya (in Russian).

Stalin I. V. K voprosam agrarnoi politiki v SSSR. Rech' na konferentsii agrarnikov-marksistov 27 dekabrya 1929 g. [On the issues of agrarian policy in the USSR. Speech at the conference of agrarian Marxists on December 27, 1929]. *Sochineniya* [The essays]. Moscow: Gospolitizdat, 1949, vol. 12, pp. 141–172 (in Russian).

Starovoitov M. I. Belorusizatsiya v usloviyakh etnolinguisticheskogo i urbanizatsionnogo protsessov v BSSR (1920–1930 gg.) [Belarusization in the context of ethnolinguistic and urbanization processes in the BSSR (1920–1930)]. *Rossiya i Belarus': istoriya i kul'tura v proshlom i nastoyashchem: materialy issledovatel'skogo proekta po belorusovedeniyu* [Russia and Belarus: history and culture in the past and present: materials of the research project on Belarusian studies]. Smolensk: Izd-vo SmolGU, 2024, iss. 10, pp. 59–75 (in Russian).

Yalozina E. A. Plata za obuchenie v sovetskoi shkole v 1920-e gg. [Tuition fees at the Soviet school in the 1920s.]. *Manuskript* [The Manuscript], 2015, no. 12, pp. 218–221 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 18.05.2025

Принята к публикации: 28.08.2025

Дата публикации: 30.09.2025